

Елена Будаева

Похождения вечных принцесс

Откровенные истории клиентов
и их честный разбор психологом

 КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
**КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

2026

Содержание

Предисловие

6

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алена – успешная жена декабриста

10

ГЛАВА ВТОРАЯ

Арина – герой нашего времени

24

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всемогущий бред, или Принцесса на бобах

86

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Катя – рыдающий младенец

94

ГЛАВА ПЯТАЯ

Маша – вечная принцесса

103

Похождения вечных принцесс

3

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НеИдеальный треугольник

131

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эвелина – девочка-подарок

138

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

**Ольга – Мальчиш-Кибальчиш,
или Заблокированный командир
в юбке**

150

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

**Мария Владимировна –
сердцеедка на пенсии**

171

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Если унитаз белый, то он чистый?

177

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Звездная мама и фрекен Бок

183

Похождения вечных принцесс

4

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Принц в поисках принцессы

190

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

**Жизнь прекрасна,
но иногда делает вам больно.
Или это вы сами делаете?**

196

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

**Изощренный садизм
и всемогущество**

216

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Про секс и про «должен»

221

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

**Ковбои, любовницы
и режущиеся зубы**

225

Послесловие

235

Похождения вечных принцесс

5

Предисловие

Уверена, многие хоть раз задумывались, что происходит за дверью кабинета психолога. О чем говорят клиенты? Действительно ли психолог только слушает и лишь изредка задает вопросы? Эта книга – попытка приоткрыть завесу тайны. Вас ждут яркие и харизматичные персонажи, каждый со своими проблемами – детские травмы, измены и предательства, одиночество и ссоры.

**То, что оказалось полезным им,
поможет и вам.**

Благодаря издательству «Комсомольская правда» и книжным феям Наталье Щербаненко и Жанне Спиридоновой родилась идея этой книги – психоаналитический разбор жизненных историй.

Самая главная благодарность, конечно же, моим клиентам, которые доверились и шагнули на этот непростой путь познания своего бессознательного, искренне делились всем, что происходит в их жизни, и стойко выдерживали «колючую» правду о себе.

Большая часть историй – собирательные образы, даже если вам кажется, что это один в один ваше. Нарциссическая травма дает похожие сюжеты. Две истории, изложенные очень близко к реальности, согласованы с героями и взяты с разрешением на публикацию.

И еще, конечно же, огромная благодарность моим супервизорам. Вере Серговской – как первому учителю на пути психоаналитической терапии и до сих пор моей важной опоре в пути, полном размышлений, сомнений, переживаний. А также Михаилу Исаеву, Кире Куркиной и Татьяне Грачевой. Благодаря им моя профессиональная идентичность сейчас выглядит так. Это руки, которые тебя держат в моменты самого острого отчаяния и разделяют радость от продвижения.

Ну и самый главный человек, который помог мне выбрать этот путь психоаналитической терапии и до неузнаваемости изменивший мою жизнь, 15 лет выдерживающий мои слезы, злость, страх, боль, – Наталья Ежек. Человек, давший мне больше, чем мои родители, в эмоциональном плане.

Каждый из моих клиентов живет отдельной страницей в сердце. Моя книга – попытка поделиться теплом историй принцесс с характером стойких оловянных солдатиков. Путь психоаналитической терапии совершенно не простой и не для всех. Возможно, после прочтения вы захотите пойти по нему.

Итак, начнем!

Г Л А В А

1

Алена –

успешная жена декабриста

– Меня зовут Алена. Мне 38 лет. Есть дочь-подросток. В целом все неплохо, кто-то даже может позавидовать. Но у меня сложности с едой – не могу отказаться от сладкого. Раздражает вес, и уже начались проблемы со здоровьем. Ну и отношения как-то не получаются. Я умудряюсь находить алкоголиков, причем это выявляется намного позже, когда уже привязалась.

Мы с братом рано уехали из дома и стали сами зарабатывать и справляться. Но он пьет, а я вот мимо булок пройти не могу.

Отец часто болел, поэтому не мог устроиться на хорошую должность. Искал работу полегче, где могли прощать его больничные. Но он особо не пил. Почему так случилось с братом?

– Ваша пищевая зависимость и алкоголизм брата развились потому, что не произошло сепарации с матерью.

– Но мы же рано съехали от родителей.

Люди путают эмоциональную сепарацию с физическим разездом. Эмоциональная сепарация начинается в 6 месяцев младенца, если мать включена эмоционально и контейнирует ранние тревоги. Первые 3 года она должна работать как эмоциональный инкубатор.

А в реальности чаще всего работает как бытовой: одеть, покормить, искупать. Психика малыша развивается, только если мать становится эмоциональным «кишечником» и «переваривает» все его тревоги, а затем отдает ему в переработанном виде. Так младенец постепенно формирует психический аппарат, который уже сам способен «переваривать». И тогда к появлению зубов ему не нужна грудь как успокоительное, в его психике уже есть механизмы справления с тревогой и чувствами. Если ребенок к году не готов бросить грудь, значит, эмоционально не созрел. Он на раннем младенческом уровне – материнская функция не выполнена.

Более взрослых способов контакта с матерью и своими эмоциями нет, сепарации не происходит. Вот уже эмоциональное развитие застряло. Пищевая, алкогольная, наркотическая зависимости и тудоголизм – это результаты отсутствия сепарации на первом году жизни. Человек заменяет грудь едой, другим человеком, отношениями с руководителем, вредит себе алкоголем или соской в виде сигареты.

**Вот почему алкоголизм и лишний вес
определены к трем годам уже железно.
И именно поэтому невозможно «спить»
взрослого человека, если он не остался
в зависимости в этом возрасте.**

Тревоги младенца вокруг страха потери матери и смерти не переварены в первый год жизни и становятся постоянным содержанием психики. Поэтому, чтобы хоть как-то их облегчить, человек бежит к эрзацу груди в виде сигареты, булки, бутылки. И все угрозы и угрозы близких не работают, потому что они конкурируют с внутренним ужасом смерти, трансформированным в тревогу никчемности. Понятно, что выбирают между увольнением/лишним весом и страхом смерти. Ничто не имеет значения, кроме попытки хоть ненадолго выключить животный ужас.

– Я познакомилась с мужчиной, у него диабет второго типа и был инсульт. Как-то тревожно, что он может умереть. Предстоит операция на сердце. Ему 50 лет. Мы много общаемся по телефону, но встречались только три раза. Прошу хотя бы цветы прислать, он игнорирует. Но общение приятное. Я так злюсь, что он не приезжает. Две недели уже телефонный роман. Хочется его послать.

Боюсь, что сейчас три года буду ждать, пока он созреет, решит свои вопросы, а потом мы начнем жить вместе, и он умрет. И я зря потрачу время. К тому же стану старше, мужчину искать будет сложнее – останутся одни больные и старые.

Я же по факту большая молодец. В этот масштабный кризис финансово благополучна, меня ценят на работе, я делаю продажи за весь отдел.

Ухаживаю за собой и готова заботиться, почему меня никто не выбирает?

Терапия начиналась с уверенности клиентки, будто ею никто не интересуется. Через год работы она стала замечать, что мужчины все-таки обращают на нее внимание. Еще год мне потребовался, чтобы она заметила, что своим общением жестко отсеивает мужчин, которые или женаты, или боятся сближения.

– Ну вот прекрасно, Елена! За мои же деньги теперь считаю, это я виновата, что у меня нет отношений! Думать, что это они просто никчемные, было намного приятнее.

– Но без осознания причины невозможно ведь изменить положение вещей.

– И все-таки как-то это неприятно. К тому же так бесит, что он не приезжает!

Алена психически еще годовалый ребенок. Отдельность другого человека проживает как младенец. Она

чувствует себя ненужной, если человек не рядом 24/7. Ей эмоционально больно, и поэтому она пытается «выкинуть» «плохой объект», ощущая, что он ее ненавидит, раз не приезжает, когда ей нужно. Пока воспринимать его отдельным, со своими проблемами ей сложно.

У маленьких детей так устроена психика, что если с родителем случается что-то плохое, виноватыми они чувствуют себя. Если родитель умирает до того, как ребенку исполнится 15 лет, тот вырастет с огромным чувством вины и ощущением плохости.

И если родитель весь день работает, то бессознательно ребенок уверен, что это с ним что-то не так, раз мама не хочет с ним побыть. В более нормотипичных случаях ребенок станет всю жизнь стараться быть интересным и хорошим, успешным, в худших – уйдет в тяжелую депрессию, в критичных – совершит суицид.

В мои выходные и отпуска Алена тяжело заболела или ломала руку, однажды облилась горячим маслом до пузыря на ногу. Это было бессознательное самонаказание за злость на меня и попытка показать мне, какая я плохая «мать»: бросаю ее, и она так ранится в отсутствие терапии.

– А когда он не приезжает снова, я начинаю есть много сладкого. И как будто вся эта история уже мне во вред.

Тревога не переваривается психикой, и нужно успокаиваться через материнскую грудь (сладкое). Мать не сформировала эту часть психики, и нет механизма успокоения. Ребенком мы «бежим» к материнской груди и успокаиваемся сосанием, а во взрослом возрасте тянемся, как к соске, к сладкому и т. п.

– Вы знаете, я вчера кричала, как сумасшедшая, на сотрудников. Взрослые мужики, а как дети: пока не наорешь, никто не начинает думать.

Я слушаю, вижу, с каким удовольствием она рассказывает про эту агрессию и превосходство над коллегами, и понимаю, почему есть проблемы с «сильными» мужчинами. «Ей страшно потерять внутреннего абьюзера, ей кажется, что она без него никто и ничто», – говорит мой супервизор.

– Я так стараюсь для всех, а когда мне что-то нужно, никто не откликается. Могут забыть про обещания. Почему так?

Она искренне ощущает это как обидное и несправедливое, но совершенно не осознает другую часть

«марлезонского балета». Мужчина дает ей эмоциональную поддержку, связь, контейнирует ее эмоции, а она старается это все «перебить вложениями». Будто сидит, как Скрудж Макдак, с калькулятором и считает: «Это ничего не стоило, а тут я потратила шесть часов и столько-то денег. Теперь нужно, чтобы он не сбежал, иначе зачем я тогда вкладывалась».

И все время идет калькуляция, кто кому что дал. Но убежденность, что все так живут, ужасает. Ужасает, что она без денег никому не нужна. Алена пытается закидать деньгами мужчину и подруг, однако внутри себя чувствует, что «купила» хорошее к себе отношение, и начинает расстраиваться. Но перестать это делать боится, потому что уверена, что сама по себе никому не нужна.

Еще одна причина потребности «много вкладывать» – постоянные вспышки гнева. Связь этих вещей не осознается, но после каждого «щипка» и «кастрации» в подарок отправляется что-то «материальное». Отправленное и сделанное собирается в копилку «я столько для тебя делаю», но из «программы» вычеркивается урон, наносимый другому. И тогда человек сознательно чувствует себя очень хорошим, а другого считает очень плохим. У Алены пограничная структура, аналитики между собой описывают ее как «Ненавижу тебя, не бро-сай меня». Психика расщеплена, и противоположные части очень разделены.

Когда включается нуждаемость, мужчина становится лучшим на свете, когда включается ненависть – он резко видится исчадием ада. И часто на этой стадии отношения разваливаются. На партнера обрушиваются вся ненависть и все обиды на мать: «Ты меня не любишь, ты мне не даешь тепла, ты любишь только себя».

Алена выбирает убегающих и боящихся сближения, потому что они остаются «незнакомцами», в которых можно вложить все свои идеальные фантазии.

В близкого человека намного сложнее «насыпать» идеализаций, мы его видим в уязвимости, несовершенстве, человеческих слабостях и неспособности быть идеальной мамой.

Часто клиентки и знакомые фантазируют об идеальных отношениях, которые на деле даже не приближаются к регулярным свиданиям. Мужчины вечно заняты работой, учебой или находятся в депрессии. Появляются как птица феникс, вызывая вспышку счастья у женщины от такого долгожданного свидания и еще больше фантазий, что она будет идеальной, он ее тогда точно полюбит, и наступит счастье. Никакого счастья не случается никогда, конечно же.

Для психического младенца ожидание идеального принца/ мамы приятнее, чем столкновение с реальным живым человеком, который не обязан решать проблемы, контейнировать все тревоги и всегда быть на связи.

Он может дать немного заботы, немного включенности, но не способен быть матерью младенца.

Если смотреть на неосознанные фантазии, то мужчины и женщины мечтают, что вот появится партнер, и станет спокойно и счастливо.

Фантазируют об этом, как правило, те, у кого много тревоги из-за невротического склада характера. И конечно же, никакой другой человек, кроме психоаналитика, и то после многолетней работы, не сможет эту тревогу убрать.

А в жизни даже очень адекватный партнер со временем перестанет перекрывать тревогу, и человек списывает это на несовершенство другого. И начинается новый поиск идеала.

Помню, как через пару лет замужества я проснулась и поняла, что чувствую себя так же тревожно и неуверенно, как и до.

А я так была убеждена, что нужно «просто выйти замуж» за любимого человека, и будет счастье.

Оно было, конечно, год, может быть, два, а потом снова стали осознаваться внутренние тревоги и депрессия. Тогда я ни за что бы не согласилась, что у меня депрессия. Так маниакально защищалась, что жила с максимальной активностью. Сейчас уже понимаю, что чем активнее был период жизни, тем сильнее подступала депрессия.

– Лена, мне так не хочется вам это говорить, но я опять начала писать Мише. Не просто писать, у нас был секс. Ну что мне делать, если Андрей не приезжает и держит меня на этих звонках и сообщениях? Я так спокойнее выдерживаю его отсутствие, а иначе разнесу все.

– Миша как подмена, чтобы, если Андрей уйдет, было не так страшно, ведь есть другой вариант.

– Да.

– Но в итоге может так получиться, что, вводя бывших мужчин в пару, вы ее разрушите.

– Я все делаю осторожно. Да и нет еще никаких отношений с Андреем, чтобы можно было сказать, что мы пара.

Думаю о том, что выдержать другого с его особенностями невозможно. Нужна еще одна грудь, но клиентка пока не понимает, что в семье второй груди не будет. А если будет, то семья развалится. И нужно что-то делать с этой невыносимостью, а не искать суррогатный заменитель. В итоге выбрано два суррогата, не готовых к сближению, и все это еще больше разрушает. Но таков привычный ей способ построения отношений. С тем, кто способен к сближению, ей окажется невыносимо, потому что невозможно будет в него сгрузить свою неспособность и придется осознать, что это ей так страшно быть ближе. Размышляю, как убедить ее на третью сессию в неделю, чтобы столкнуться с этой близостью и ужасом в терапии, выдержать их со мной и потом уже выдерживать самостоятельно, во внешней жизни. Эх, бедные взрослые дети... Наблюдаю за расщеплением: одному мужчине все можно, он идеальный, с ним духовная связь, второй, как в комплексе у мужчин «мадонна/блудница», униженный, ощущаемый ею как неподходящий и ущербный, с которым секс.

Пока в психике не соединяется это расщепление, Алене нужно двое мужчин или больше, чтобы вложить в них разные свои части. Она обижается на меня за попытки соединить ее психику воедино, потому что ей кажется, будто я просто осуждаю ее треугольник и никак не могу понять, как ей тяжело выдерживать отношения.

**И что бы и как бы я ни говорила,
ей будет больно и одиноко, потому что
пока во мне лежит проекция ее холодной,
осуждающей и нападающей матери.**

— Меня так злит, что он не следит за своим здоровьем, и я в итоге страдаю. Он две недели валялся с предынсультным состоянием, и мы не виделись. В больницу он не хочет, чтобы я приезжала. Кружочки шлет. Иначе бы я подумала, что он выдумал госпитализацию и тяжелое состояние.

— Мама не переживала за ваше здоровье, и вам сложно ему посочувствовать, вы только злитесь на его недееспособность.

— Да, почему-то нет сочувствия. Как будто это все ненастоящее и даже нет страха, что он умрет. Инсульт — это же серьезно. Но ощущается как ерунда, что мог бы и приехать или хотя бы у больницы встретиться.

Повторяется родительский сценарий — выбран инвалидизированный мужчина, как отец.

Теперь она как мать — молодец, терпит такого инвалида и не бросает. Но при этом жуткая злость, что эта

«грудь может перестать кормить». Младенческое восприятие. Как младенец не способен понять, что мама больна и ей тяжело, так и Алена злится, что Андрей не идет с ней «играть». Ну и есть повод для слива ярости.

Вообще, пограничная структура — это качели из всемогущей части в уязвимую, никчемную.

Середины нет, потому что оба состояния жестоко отщеплены. Поэтому небольшая часть людей всемогущая, а другая никчемная, и нет ничего другого.

Алена живет ожиданием, когда Андрей сможет с ней сблизиться, потому что есть фантазия, что вот тогда и наступит счастье и закончатся ее тревоги. Но на самом деле станет намного сложнее, и ей придется осознать тяжелые чувства на сближение, много ярости и недовольства, что лучше не стало.

Ее тревоги и боль связаны с внутренними объектами, а не с внешней жизнью. Ей легче думать, что из-за него ей одиноко и плохо. Но это, конечно же, не так. Даже если они съедутся, ее психика найдет внешнюю причину для тревоги и напряжения. Поэтому я сижу и интерпретирую ее затыки, чтобы она смогла потихоньку переварить травмы, набраться моей заинтересованности, сделать ее частью своей психики и выдержать «законы» и «правила». И тогда психика повзрослеет, тревога снизится, а отношения станут «достаточно хорошими».

Г Л А В А

2

Арина –

герой нашего времени

Арина выросла в полной семье. Младший брат на три года моложе. Внешне все как у всех: родители-инженеры познакомились в 1980-м. Отец в ее восприятии был хорошим, теплым, а мать холодной, с постоянными вспышками гнева. Жили в небольшом городке.

Из детства вспоминает, что отец заставлял целовать его в щеку, а она упиралась. Он обижался и забирал конфеты. Складывал их на шкаф. Арине было 3-4 года. И еще один неприятный момент: маме очень нравились короткие пышные детские платья, а ей было некомфортно, потому что чуть наклонишься, и видны трусики. Мальчишки дразнили. Когда мама была на работе, Арина потихоньку доставала платья, которые покупали на вырост, и в них осторожно выходила на улицу, спрятав этикетку. Но важно было не заиграться и не пропустить время, когда мама приходит домой, иначе можно было получить ремнем.

Лет в пять или шесть мама отправила Арину за молоком с трехлитровой банкой. Да-да, в то время в небольших городах детей этого возраста легко могли отправить в магазин. Хотя трехлитровая банка для пятилетки, на мой взгляд, жестокий перебор.

Арина бежала на самый верхний, пятый этаж, потому что лифтов в таких домах не было. И уже практически на своем этаже оступилась – так, что банка разбилась вдребезги, а молоко потекло по ступеням.

Девочка стояла в ужасе, слезы лились из глаз, а внутри она повторяла: «Только бы не ремнем, ну пожалуйста». «Не знаю, сколько я простояла во внутренней молитве, но в какой-то момент вышла соседка тетя Катя. Молча вынесла новую банку и монеты на молоко: “Беги, купи новое, а я тут все вытру, не переживай, маме не скажем”».

Я слушала Арину и думала: «Как жестоко вела себя мать, раз девочка боялась прийти домой и сказать, что уронила банку, хотя это так естественно для маленького ребенка».

Конечно же, отца она идеализировала. Он же видел побои и не включался. Через пару лет терапии и моих интерпретаций на тему «теплоты и любви отца» клиентка вспомнила, как летом, ей было лет семнадцать, семья жила на даче. Она чуть задержалась с танцев, потому что ее провожал одноклассник и пришлось идти, а не бежать, как обычно делала. Подходя к дому, Арина увидела в окне кухни силуэт отца. Она обрадовалась и тихонько постучала в дверь в надежде, что тот откроет, мама не проснется и не будет скандала.

Но никто не открыл. Ей пришлось стучать громче, потом звонить. Мама вышла, отперла, удивительно, но обошлось без криков. Арина опять молилась, чтобы не попало ремнем и не осталось следов на теле, потому что летом их скрыть очень непросто. В те времена не

было большого выбора одежды, и, как правило, у девочек имелись школьная форма в виде платья и пара сарафанов на лето. Брюк почти не носили, а в джинсах в 40 градусов не очень комфортно.

Вроде бы все закончилось благополучно, но в пять часов утра их с братом разбудила злющая мама с криком: «Раз вам нечего делать, и вы шляетесь ночами, то вставайте – и вперед, полоть огород».

Оказалось, что брат тоже пришел поздно, и мать это жутко разозлило. Арина рассказывала об этом как о чем-то рядовом. У меня сжималось сердце.

– Я даже не сразу поняла, в чем наказание, ведь и так делала всю эту работу. Видимо, такой ранний подъем им казался чем-то ужасным. Я внутренне радовалась, что это не ремень, а всего лишь утреннее время на обычные задачи. Зато в самую жару уже все будет переделано.

Однажды брат взял и при соседке сказал: «Да потому что ты боишься, что она опять выпорот кипятильником. А я не боюсь. Вырасту и отлуплю ее так же!» Мне так стыдно было. Я пыталась наврать соседке, что нас не бьют, но она, кажется, все поняла. Я потом не выходила из дома несколько дней, чтобы не попадаться ей на глаза.

Девочка чувствовала себя плохой и стыдилась. Раз ее бьют, значит, с ней что-то не так, а не мать психопатка. Это все звучало ужасно.

На дни рождения Арине покупали одежду, которая становилась мала. Или еще хуже – сервизы. На 10 лет, например, родственники подарили четыре сервиза «на будущее». Я помню такое же из своего детства. Это, конечно, что-то максимально нездоровое.

Бабушка собирала «приданое». Лет в пятнадцать Арина начала просить отдать покрывало и новое постельное белье.

– Это тебе на свадьбу.

– Когда я соберусь замуж, буду работать и куплю себе нормальное.

– А это не нормальное?

– Это устаревшее.

– Эх ты, какая звезда! Чего ж клянчишь, раз устаревшее?

– Потому что мое рваное, а у меня друзья приходят, мне стыдно. А ты хранишь, пока моль не съест.

– Какие умные пошли все, не могу! Я замуж выходила, любой катушке ниток была бы рада.

Арина думала про себя: «Ты еще и лес валила в 15 лет, как жаль, что я этого не делала, чтобы быть как ты. Тогда, может, и меня перестали бы попрекать. Как будто я мало делаю».

– Вы знаете, я почему-то всегда была уверена, что меня не выберет никто из мужчин. Больше всего на свете мечтала о семье, но внутри жила убежденность, что семейные, умные, адекватные мужчины будут выбирать кого-то, кто не я. Она была как часть меня.

Я росла невзрачной девочкой. Хорошо училась, но меня не хватало на постоянную зубрежку. Учила какое-то время, поднимала руку, отвечала, получала очередную пятерку, а потом не могла себя заставить работать дальше, зная, что меня уже не спросят. Мне было стыдно за несделанные домашние задания, но справиться с сопротивлением оказалось невозможно.

Это говорит о жутком дефиците внимания. Девочка училась, чтобы получить учительское внимание, ресурса на интерес к предметам не было в психике. Нужно было выживать между эмоциональным голодом и тревогой материнских вспышек агрессии.

Я понимала: мало шансов, что Арина не кричит на детей, но осознавала, что, пока она сама не расскажет, трогать это нельзя. Разрушительная часть матери не могла не стать и ее частью, неуправляемой и жестокой.

– А потом еще были непростые моменты с отцом, когда он сажал меня на колени подростком и рассказывал, какая мама плохая. Мог держать меня за руку, и вроде это были доверительные теплые беседы, но мне было невыносимо и хотелось сбежать.

Вообще, усаживать девочку-подростка на колени – это инцестозное. Я вспоминала и рассказ Арины о сопротивлении поцелуям. Все же у ребенка была какая-то здоровая часть психики, которая сопротивлялась инцестозным движениям отца. Вроде бы внешне все нормально, но по факту действие для психики ребенка разрушительное. И как обычно я говорю, это бессознательный сговор двух первертов. Мать видела дисконформт дочери и не вмешивалась. А когда я вспоминаю про ее любовь к коротким детским платьям, пазл еще больше собирается.

– Первая моя влюбленность случилась в мальчишка на два года старше. Он пригласил на медленный танец на школьной дискотеке. Потом как-то подошел после школы поболтал со мной. И все. Все мысли были заняты Ромой. А он... пропал.

Арина периодически видела его с друзьями. Потом через полгода он снова пригласил ее на танец на дискотеке и сказал: «Я в армию ухожу, будешь ждать?» Конечно же, она ответила: «Буду».

Но телефонов тогда не было, и адреса будущей воинской части он не знал. Так они и расстались. Несколько лет она фантазировала, что Рома вернется и они будут вместе. Потом встретила новую любовь.

Арина мечтала, чтобы у ее парня было немного друзей и он проводил с ней больше времени. И здесь так и вышло. Дима уже работал, освобождался после обеда и встречал ее из института. Сидел рядом, пока она училась, потом они шли гулять с друзьями, но даже тогда всегда крепко держал ее за руку.

Она ходила в его толстовке, чтобы все в институте знали: у нее есть парень. Отец Димы радовался Арине. Он очень хотел дочь, и вот она – худенькая кудрявая девчонка с огромными бездонными глазищами, тихая, скромная. В их семье готовил отец. Мать была инвалидом: после родов развилось заболевание, ноги отказали, речь оказалась нарушена. Мышление осталось в норме, но жизнь женщины постепенно замкнулась внутри спальни.

Отец Димы убирал квартиру и ходил на работу на завод, часто спрашивал у Арины, что приготовить на ужин.

– Я чувствовала, что у меня наконец-то появилась настоящая семья, где меня любят.

А я размышляла, что такие простые вещи – «Что ты будешь на ужин?» – выглядели для клиентки как настоящая любовь.

Кто-то впервые интересовался ее чувствами и желаниями, ей это было совершенно незнакомо.

День рождения Арины отмечали всей семьей. «Что тебе подарить?» – задал вопрос отец Димы. Она не знала, что ответить. Ее никто никогда не спрашивал.

Девушка стояла и молчала, по щекам текли слезы.

– В итоге отец дал денег Диме и отправил нас в магазин. Я выбрала себе первые свои духи. Было так страшно и так радостно! Настоящие, красивый флакон.

Идиллию омрачало только настроение матери Димы.

Она ревновала своих мужчин к появившейся девочке, захватившей сердце мужа и сына, выдумывала истории про измены и черт-те что еще. Но никто особо не обращал внимания.

– Хотя вы знаете, Лена, я почему-то ее не боялась. Чувствовала себя победительницей и не понимала, откуда в моем мышинном сердечке возникала такая уверенность.

Со временем я начала уставать от прилипчивости Димы. Мне хотелось гулять разлепившись. Хотелось воздуха. Он обижался. Я стала осознавать, что он окончил училище по специальности «инженер», но работал непонятным админом на заводе отца. Получал копейки, которых ему хватало на проезд, пиво и иногда цветы, и совершенно не собирался дальше учиться или строить карьеру.

Арину мама отправила учиться без денег. Даже за общежитие она платила из стипендии и сэкономила каждую копейку, чтобы хватило на еду. Знала, что ей нужно стараться, чтобы получить в этой жизни хоть что-то. У нее был амбициозный план покорения Москвы. А Дима просто хотел быть с ней, и больше ничего. Это ее раздражало и пугало. Она наблюдала за его двоюродным братом, тот был старше на 10 лет, со своим бизнесом. Харизматичный, амбициозный, успешный. Арина глядела с завистью на его молодую жену, и в ней оживала мысль: «Такой мужчина на тебя не посмотрит».

На четвертом курсе Арина нашла работу в Москве и моталась на электричках туда и обратно.